СКАНДАЛ ВОКРУГ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ ПОКАЗАЛ ОШИБОЧНОСТЬ ТАКОГО СПОСОБА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Posted on 30.07.2021

Скандал вокруг Министерства обороны показал ошибочность такого способа борьбы с коррупцией, как назначение высоких зарплат чиновникам.

Разгоревшуюся в блогах и СМИ дискуссию вокруг доходов представителей государства подогрела и недавняя публикация журнала "Форбс", в которой содержалась информация о многомиллионных доходах руководителей российских госкорпораций. О том, какие меры необходимо принять для того, чтобы реально снизить уровень коррупции в России, рассказал экс-министр экономики России (в 1992-1993 годах), а ныне президент банка "Российская финансовая корпорация" Андрей Нечаев.

— Разделяете ли вы мнение, что ставка на высокие зарплаты чиновников как средство борьбы с коррупцией оказалась неверной?

— Зарплата не может быть единственным средством. В результате каких-то коррупционных или иных противозаконных действий человек может получить десятки миллионов долларов как минимум, и никакой зарплатой — даже очень высокой по нашим меркам, в несколько десятков тысяч долларов — эту сумму не превысить. Уровень зарплат должен быть таков, чтобы человек не испытывал потребности в воровстве, коррупции лишь из-за недопустимо низкого жизненного уровня, как часто было у чиновников первой половины 1990-х годов. Но не более того.

Такую сложную проблему, как коррупция, которая в России находится за гранью добра и зла, нужно решать только комплексно. И высокие зарплаты чиновников — лишь одна из составляющих арсенала борьбы, наряду с неотвратимостью наказания и, самое главное, со снижением распределительной, регулятивной, запретительной роли государства, что составляет основу коррупции. Еще важно отношение к чиновникам в обществе, их имидж.

На примере Америки и ряда других стран мы знаем, что пойти на госслужбу считается важным и ответственным просто потому, что это престижно, хотя зарплаты чиновников там сравнительно невысоки. Люди служат стране, и в обществе отношение к чиновникам в каком-то смысле культивируется. Потом они переходят на работу в бизнес и получают очень приличные доходы, потому что есть опыт, квалификация, какие-то связи. И во многом это компенсирует сравнительно невысокие зарплаты в государственном аппарате. У чиновников должен быть некий социальный статус, который выражается не только в зарплате, но и в каких-то льготах или преференциях вроде отдельной поликлиники. Это анахронизм советского

времени. Должен быть набор социальных преференций, связанных, скорее, с его жизнью после госслужбы.

— Как вы оцениваете текущую ситуацию в России с коррупцией?

— Все не просто плохо, а очень плохо. То, что мы видим вскрывшееся по тем или иным причинам преступление, — это лишь вершина айсберга коррупции в России.

Коррупция модифицировалась. Что происходит, скажем, в области лекарственных средств? Со всех трибун трубят, что у нас слишком дорогие лекарства, и фармкомпании наживаются. Я лично сталкивался. У нас не производятся некоторые виды лекарств, их закупают по импорту, они поступают в компанию, принадлежащую очень крупному чиновнику, и дальше их просто пакетируют, закладывают в коробочки. Цена возрастает в 3-4 раза, и по ней продают государству. Формально это не коррупция. Это просто использование возможностей своего служебного положения для организации бизнеса таким, мягко говоря, высокоэффективным способом.

— Нужно ли для борьбы с коррупцией создавать институт "неприкасаемых", как было в США?

— Если говорить о силовых методах, то институты независимых прокуроров, которые используются в Америке и хорошо себя зарекомендовали в Италии, работают достаточно эффективно. Но это не то, что в одиночку может победить коррупцию. Все должно быть в комплексе. Самое главное — нужна такая законодательная база и правоприменительная практика, чтобы чиновник делил, разрешал, распределял как можно меньше. Тогда исчезает база коррупции.

— То есть все передать рынку?

— Ну почему? Например, часть государственных функций передать саморегулируемым организациям. Об этом много говорят, но очень мало делается. Кроме того, государство не должно быть активным хозяйствующим субъектом. Все эти крупные компании, находящиеся так или иначе под контролем государства, тоже анахронизм. Их роль без всякой потери для экономики может быть существенно уменьшена.

У нас достаточно высокая, если сравнивать с такими странами, как США, Япония, Корея, доля средств, которая аккумулируется бюджетами всех уровней и затем перераспределяется государством. В Швеции она еще выше, но тот уровень социальной защиты, который там существует, нам и не снился.

Участие государства, а значит — государственных чиновников, в экономике должно быть существенно снижено. И это ликвидирует базу коррупции. Все остальное — это "примочки",

хотя они тоже важны.

— Недавно журнал "Форбс" опубликовал оценку зарплат руководителей госкорпораций с многомиллионными суммами в долларах. В своем блоге вы весьма язвительно прокомментировали эту информацию. Вы считаете, что руководители огромных, прибыльных компаний не могут получать высокие доходы? (Беседа состоялась до того, как Сбербанк опроверг данные "Форбса" — ред.)

— Это абсолютное бесстыдство и безобразие. То, о чем писал я — в случае с Сечиным — это просто за гранью добра и зла. Он пришел из чиновников четыре месяца назад. И чтобы человек мог за 4 месяца натрудиться на $25 млн — нужно просто какими-то выдающимися заслугами обладать.

Но в случае с госкомпаниями мы же прекрасно знаем, какие они имеют преференции. Совсем недавно "Роснефть" без тендера получила крупное месторождение. Мы знаем, как спасали крупные банки, которые фактически были банкротами, в ходе кризиса. Они были основными получателями государственной помощи. Как Внешэкономбанк на государственные деньги на пике падения покупал акции, чтобы поддержать рынок, потом их продавал, когда рынок восстановился. И заработал огромную маржу. В этом заслуга специалистов и топ-менеджмента этих компаний нулевая. Вам дают 500 млрд рублей, и вы довольно примитивные операции делаете.

Поэтому многие успехи госкомпаний связаны просто с привилегированным положением и отсутствием конкуренции в соответствующем секторе экономики. Фактически топ-менеджмент пользуется монопольным положением компании, возникшим не в результате каких-то ноу-хау, технологических разработок, прорывов в области корпоративного управления, это не Билл Гейтс, который изобрел и создал уникальный продукт, который в какой-то момент был монополистом в силу гениальности ее создателя и его команды. А в нашем случае — это монополия, которая создана одним чиновником для других.

И самое главное: мы много слышим с высоких трибун, что у нас недопустимо высокий уровень расслоения на богатых и бедных, а при этом и без того небедствующим людям назначаем зарплаты, которые сопоставимы с зарплатами и бонусами в крупных западных компаниях, но частных.

— В США тоже были скандалы во время кризиса, связанные с высокими бонусами.

— Это как раз нормально, что общество следит за этим.

— А кто в России должен следить за этим? Какой институт?

— У всех госкомпаний есть курирующие министерства, вице-премьеры. В конце концов, есть премьер и президент, которые их назначают. Почти наверняка решение о бонусах принимает совет директоров компании. Просто директор сам себе выписывает. Либо это записано в его контракте, который он подписывает с советом директоров.

— Недавно известный экономист Нуриэль Рубини выступил с очередной "страшилкой", предрекающей новый кризис в 2013 году. Коснется ли он России?

— Чудес не бывает. Как страна сырьевая, мы крайне уязвимы, очень зависим от мирового спроса и внешнеэкономической конъюнктуры. Ситуация в Европе совсем безрадостная. Уже с IV квартала прошлого года там снижается ВВП (в целом по Евросоюзу). Пока Германия составляет счастливое исключение, но темпы экономического роста и там существенно падают. Безработица в Евросоюзе рекордная за послевоенный период. Поэтому совершенно очевидно, что еврозона находится в рецессии, и дальше вопрос состоит в том, перерастет ли это в глубокий экономический кризис или затянется и будет затяжная рецессия.

В ситуации, когда наши крупнейшие партнеры находятся в состоянии кризиса или рецессии, трудно представить, что экономика, которая сидит почти исключительно на сырьевом экспорте, может благоденствовать.

Если мы проанализируем наши макропоказатели — не год к году, а квартал к кварталу, месяц к месяцу, то увидим, что у нас ВВП и реальные доходы стагнируют, инвестиции показывают чрезвычайную волатильность: месяц рост, месяц падение. Это свидетельствует о предкризисном состоянии. Состояние банковской системы тоже оставляет желать лучшего. Не знаю насколько глубоким будет кризис, но то, что нас ждут пару лет рецессии, для меня очевидно. Вообще в мире и в частности в России.

Может быть снижения ВВП и не будет, но будут очень умеренные, невыразительные темпы роста от 1 до 3% в зависимости от цены на нефть.

— В качестве стратегических целей экономической политики власти провозгласили существенный рост России в рейтинге Doing Business и создание 25 млн высококвалифицированных рабочих мест. Реализуются ли эти программы сейчас?

— Солидарен с теми экспертами, кто считает, что это была больше PR-акция, чем документы, являющиеся основополагающими для реальной экономической политики. Потому что не понятно, где можно создать 25 миллионов высококвалифицированных рабочих мест, и, самое главное, кто на них будет работать. У нас давно провал с подготовкой кадров, особенно рабочих специальностей, нехватка квалифицированных инженеров. Поэтому даже если гипотетически их и можно создать, то не понятно, кто на них будет работать. Это не снимает вопросов и о том, кто их будет создавать и за счет чего. Инвестиции-то не растут, конкурентная среда отсутствует. Поэтому, мягко говоря, это вызывает некоторое недоверие.

Что касается Doing Business или других аналогичных показателей, то, с одной стороны, здесь все реально. В свое время Минэкономики сделало сравнение крупных международных финансовых центров и Москвы, России. В наибольшей степени мы отставали как раз по тем параметрам, которые связаны с государственным регулированием, включая налоговую систему. То есть, в принципе, все в руках государства, включая упрощение ведения бизнеса. Но только беда в том, что мы за 12 лет ничего не увидели в этом плане, а, скорее всего, ситуация ухудшилась: и в части налогового администрирования, и в плане роста бюрократических препонов для бизнеса, коррупционная загрузка колоссально возросла, как показывают разные исследования. Поэтому, с другой стороны, трудно поверить, что завтра произойдет какая-то революция в мозгах, и все будет по-другому.

Источник: «Росбалт»

Дата публикации: 26-11-2012, 08:32

There are no comments yet.